

ВЫНОСОМ действия в разные места зрительного зала режиссер приобретает возможность самого широкого «маневрирования». Ему нестрашно любое количество эпизодов и картин — он может свободно перебрасывать действие с одного места на другое. Ему легко избегать тех невольных пауз, которые охлаждают, как правило, зрителей во время перестановки декораций, а это немаловажно для режиссера и театра.

Наша поиски новых форм сценических площадок идут неотрывно от содержания пьес и от новой драматургической техники. Какое огромное количество эпизодов в «Аристократах» Н. Погодина или в «Иркутской истории» А. Арбузова! Но дело далеко не в одной технике. Дело прежде всего в самом духе произведения. Это — главное.

В настоящее время театр имени Малковского выпускает спектакль «Иркутская история» по пьесе А. Арбузова. Замечательная пьеса! Это огромное явление в драматургии. В пьесе действуют советские люди, работающие на одной из больших строек в Сибири. Необычайно интимное, человеческое, душевное сочетается в ней с истинной патетикой. Найти и выразить эти интонации драматурга, вскрыть второй план произведения, его тонкую сложность помо-

гают нам выносы действия в гущу зрителей, максимальное приближение актера к зрителям. Они словно приходят «в гости» к действующим лицам.

Какие человеческие люди у Арбузова! С какими огромными волнениями живут они, «выпрямляя свои души»! Да посмотрите, да послушайте поближе, о чем говорит пьеса! А она говорит о необычайно важном — о том, как должен жить человек в наши дни, думая о высшей цели. Приглядитесь, прислушайтесь... Садитесь поближе, совсем рядом с актером.

Ах, черт возьми, да ведь мы в театре, которым владела до революции графиня Ростопчина. Ну было ли ей дело до наших забот! И вот мы вынуждены ставить наши опыты в многолюдном зале, с неудобной сценой, с приближенными к действию одними рядами и очень удаленными от сцены другими рядами. Хорошо бы поставить спектакль в Концертном зале имени Чайковского. Там ведь была построена особая сцена по великолепной мысли В. Мейерхольда. Интересно можно было бы ставить спектакли в бывшем манеже. Мы много мечтали об этом еще в 30-е годы с С. М. Эйзенштейном, которого никогда не покидали мысли о театре.

Нам нужно, конечно, специальное здание для театра. Проект-идея есть. Макет выставлен у нас в фойе. Это трансформирующийся театр.

Все в помощь актеру

Народный
артист СССР

Н. ОХЛОПКОВ

5 вержения. Тут и один человек сидит, скажем, на пне и размышляет вслух о самом своем сокровенном так, как умеют это делать чеховские персонажи; тут и гряды пробегающих друг на друга волн, бури, ураганы страстей, океан человеческих мечтаний — картины, нарисованные гением Пушкина и Шекспира...

...Кончается спектакль, в зале уже никого нет, я сажусь с друзьями в ложу и прислушиваюсь к тишине. Какое счастье, что есть друзья, есть творческие единомышленники, люди одних устремлений! Какое счастье мечтать, думать, дерзать, наслаждаясь движением мысли, обращенной к Грядущему!

...Я сижу с друзьями в ложе, из которой видны партер и узкая дорога, идущая с задних рядов по диагонали через весь зрительный зал на сцену. Это осталась «дорога цветов», как ее называют в японском театре «Кабуки», после яркой, жизне-радостной и талантливой пьесы А. Штейна «Весенние скрипки».

Мы вспоминаем. Актеры подсказывают мне:

...Еще лет 350 тому назад «дорога цветов» появилась в театре «Кабуки» как составная часть сцены. Она проходила через весь зрительный зал и названа была так потому, что предназначалась для преподнесения зрителями цветов актерам.

Позднее (примерно лет 300 тому назад) «дорога» стала использоваться в театре «Кабуки» для выхода актера на основную сцену или ухода со сцены. Еще позднее «дорогу цветов» (примерно первую треть ее перед основной сценой) стали считать «игровым местом», как бы маленькой сценической площадкой перед основной.

При массовых сценах иногда использовались две «дорожки», и вторая, более узкая, справа (временная «дорога цветов») тоже шла через весь зрительный зал. Они иногда служили также и для одновременной игры или для произнесения диалогов актерами перед основной сценой.

Чем объяснить возникновение «дорожки цветов» в японском театре «Кабуки»? Видимо, тем, что сцена была удалена от зрителя, а «дорога» приближала актеров к нему, делала представление более контактным.

— Актер чувствует себя в таком театре ближе к зрите-

лю, а зритель лучше видит и слышит своего любимого актера, — эти слова, сказанные одним из сидевших со мною артистов, были произнесены с особым значением. Кто из актеров не думает о своеобразном театральном «крупном плане»!

Я с удовольствием слушал своих собеседников, тем более, что среди них была Иосико Окадо, японка, недавно поставившая у нас «Украденную жизнь»... Кто не помнит теперь финальный проход по «дороге цветов» М. И. Бабановой в роли Нунобики Кей!

Каково мое отношение к «дороге цветов»? Она, во-первых, помогает в какой-то степени вынести отдельные моменты игры в зрительный зал, а во-вторых, режиссерски подчеркивает выходы и уходы актеров, когда это нужно по замыслу автора, режиссера или актера...

«Дорога цветов» (ханамидзи) изобретена много лет тому назад. Ну и что же! Не все старое плохо. Изобретена в японском театре? Мало ли хороших изобретений и у китайцев, и в шекспировском театре, в древней Греции? Может быть, она «непонятна»? Она выполняет, как это очевидно, чисто служебную роль.

...Мы сидели и думали: какой у нас замечательный, непредвзятый, объективный зритель, как тепло он относится к творческим исканиям. Иначе, например, не прошел бы в театре спектакль «Ари-

стократы» с выносом действия в зрительный зал около 1.000 раз, не шла бы «Гостиница «Астория» подряд четыре года, не шел бы «Садовник и тень» три сезона подряд!

Мы обязаны этим прежде всего самим пьесам и игре актеров, но зритель давно бы «проголосовал ногами» против выноса действия в зрительный зал, если бы это не нравилось ему.

Но мы не относимся нигилистически к обычной, «ренессансной» сцене. Пример тому — «Гамлет», «Гроза» и другие спектакли нашего театра.

...Мы продолжаем разговаривать, вслушиваясь в тишину зала после спектакля... Хорошо, что никого нет, — никто не видит наших волнений.

...Сколько чудес в театре! И самое чудо из чудес — ЧЕЛОВЕК. Все остальное только в помощь ему.

Как хорошо, когда в театр приходят глубокие человеческие пьесы!

Как было бы хорошо, если бы нам построили новое здание для театра, о котором мы только что мечтали. Присоединитесь к нашим мечтам!

ВЕЧЕРНЯЯ
МОСКВА 3 стр.

20 ФЕВРАЛЯ 1960 ГОДА

(Окончание. Начало
см. в «Вечерней Москве»
за 19 февраля).